
© И.А. ПОГОДАЕВА

boston607@mail.ru

УДК 27

**ПРАВОСЛАВИЕ КАК ФАКТОР, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЙ
ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ
(на примере жителей Иркутска XIX века)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние православной церкви на различные стороны повседневной жизни верующих: семейные отношения, воспитание детей, календарь, досуг, режим питания. На архивных материалах доказывается, что слабое знание прихожанами сути православного вероучения компенсировалось исполнением повторяющихся повседневных обрядов.

SUMMARY. The article considers the influence of the Orthodox Church on various aspects of parishioners' everyday life: family relations, child-rearing, calendar, leisure, dietary pattern. The analysis of a great amount of archival data shows that the lack of parishioners' knowledge of Orthodoxy fundamentals was compensated by performing repeated everyday religious actions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Церковные праздники, посты, богослужения.

KEY WORDS. Religious celebrations, fasting, divine service.

Возросшая с 90-х гг. XX века роль православной церкви в жизни современного общества обусловила интерес к изучению ее места и значения в российской истории. Однако мнения, высказываемые по этим и другим вопросам различными, особенно непрофессиональными исследователями, весьма неоднозначны.

В постперестроечные годы в противовес в основном негативной оценке деятельности православной церкви, которая была принята в годы советской власти, появилась и получила распространение и поддержку прямо противоположная точка зрения, идеализирующая многие моменты в истории и деятельности Русской православной церкви [1]; [2]; [3]; [4]. Основой для таких воззрений, помимо религиозных убеждений авторов, служит еще и недостаточная изученность многих вопросов в истории церкви, в частности, вопроса о роли и месте православия в повседневной жизни.

По нашему мнению, православие выступало в роли организатора и духовной основы повседневной жизни, подобно тому, как в советском государстве в роли организатора, духовной основы, идеологического стержня повседневной жизни советского человека выступал план построения будущего коммунистического общества, определявший требования к личным качествам, морали, нравственности, особенностям бытового поведения человека («моральный кодекс строителя коммунизма»).

Православная церковь также формулировала ряд требований к своим «чадам», выполнение которых свидетельствовало о лояльности и благонадежности человека не только как приверженца православия, но и как подданного Рос-

сийской империи, поскольку до 1917 г. православие было официальной господствующей религией в Российской империи, а православная церковь была включена в состав государственного аппарата.

В качестве же высшей *духовной* награды человек, тщательно исполнявший все требования своей церкви, обретал надежду на спасение души. Требования церкви затрагивали все стороны жизни человека: исполнение основных таинств и обрядов, отношения с семьей, воспитание детей, любовь к ближним, долг по отношению к родине и государству, развитие в себе необходимых моральных качеств (милосердие, скромность, целомудрие и т.п.) [5].

Однако любовь к ближним, работа над моральными качествами и т.п. требования церкви были для большинства богословски необразованных и «приземленных» в бытовых проблемах россиян трудны в исполнении, поэтому основное внимание и усилия были сосредоточены на конкретных требованиях из сферы повседневной жизни (соблюдение постов, посещение богослужений, обязательная ежегодная исповедь и причастие, освящение церковью рождений, браков и смертей через соответствующие таинства и т. п.).

В течение XIX в. Иркутск был крупным административным и религиозным центром Сибири, главным городом Иркутской епархии (1727) и Сибирского (1803 год), Восточно-Сибирского (1822 год), Иркутского (1887 год) генерал-губернаторств. Население города в течение XIX в. выросло в несколько раз: в начале века, по оценке современников, в городе проживало до 15000 жителей [6; 263], в 1866 г. — 27332 человека обоюбого пола [7; 2-3], а согласно «Первой всеобщей переписи населения» 1897 г. число иркутян составило уже 51473. Большая часть жителей исповедовала православие. В начале XIX в. в городе было 11 приходских и домовых (т.е. сооруженных при каком-либо учреждении) церквей, собор и два монастыря. В 70-е гг. XIX в. количество православных культовых сооружений возросло и составило 25 приходских и домовых церквей, собор, два монастыря и две часовни. Также в Иркутске размещались духовная семинария, мужское и женское духовные училища. Вознесенский мужской монастырь, хранящий мощи первого иркутского епископа Иннокентия Кульчицкого, был известным на всю Сибирь местом паломничества.

Организирующее влияние церкви на новорожденного начиналось с церковного благословения союза его родителей, при отсутствии которого ребенок считался незаконнорожденным, что могло впоследствии осложнить его жизнь. Далее при крещении ребенок приобретал имя и новых родителей — крестных, или восприемников, которые были его духовными родственниками и наставниками и несли ответственность за него перед Богом.

При выборе имени иркутские священники (или родители) достаточно строго придерживались святцев. Несомненная популярность в народе некоторых святых, например Николая Угодника, Параскевы Пятницы подтверждается широким распространением этих имен. Популярность имени Иннокентий — сибирское явление и связано оно, конечно же, с культом Иннокентия Кульчицкого.

Восприемниками были в основном люди того же сословия, что и семья крестника, часто носящие одно с ним имя. Также довольно часто крестными родителями бывали ближайшие родственники. Особенно это было распространено в купеческой среде. Например, иркутский купец Михаил Сибиряков в 1808 г.

был крестным отцом трех своих внучек — Александры Ксенофонтовны (род. 17 марта), Екатерины Семеновны (род. 26 октября) и Анны Ивановны (род. 21 ноября). В том же 1808 г. другой иркутский купец Петр Трапезников дважды выступал в роли крестного отца для своих внучек — Елизаветы Филипповны (28 февраля) и Марии Андреевны (20 декабря). [8; л. 43-47 об.] Сходным образом поступали купцы Мясниковы, Опредковцы и др.

Скорее всего, при приглашении в крестные родственников, особенно пожилых, преобладали не религиозные мотивы. Человеку, перешагнувшему шестидесятилетний рубеж (П. Д. Трапезников родился в 1747, а М. В. Сибиряков — в 1744 г.) полноценно исполнять обязанности крестного было сложнее, чем человеку молодому или средних лет, не говоря уже о том, что такой крестный мог просто не дожить до взросления своего крестника, оставив его без духовного руководства. Видимо, в данном случае звание «крестного отца» было скорее почетно-номинальным, а молодые родители стремились подчеркнуть и упрочить связи с главой семейства, привлечь к новорожденным большее внимание, щедрые подарки, возможно, большую долю наследства.

Связь государства с церковью и существование официально господствующей религии — православия определяло воспитание всех детей, как законно-, так незаконнорожденных, под воздействием церкви, их раннее и целенаправленное воцерковление [9; 51].

В области семейных отношений церковное (и гражданское) законодательство и обычай отдавали власть в семье в руки мужа («муж является руководителем семейной жизни»), ставили женщину в зависимое положение. Строгость церковного бракоразводного законодательства, до минимума ограничивавшего причины для развода и усложнявшего его процесс, а также экономическая зависимость жен от мужей приводили к незначительному количеству разводов (в 1861 г. — 5 разводов на всю губернию [10], в 1875 — 9 [11]), что делало расторжение брака событием из ряда вон выходящим, аномальным, нормой же была совместная семейная жизнь в течение долгих лет. Незначительное число разводов не означало соблюдения супружеской верности. Достаточно распространенным явлением были «похождения» мужей («Незаконные связи замужних женщин были большою редкостью. Мужчины, разумеется, были гораздо развратнее» [12; 469]), рождение незаконнорожденных детей (1866 год — 315 детей (35,7%) из 881 родившегося в тот год в Иркутске ребенка [7; 4]), работа «домов терпимости» (в 1891 г. в городе их было 5) [13; 37].

К числу регулярно исполняемых обязанностей православного христианина в XIX в. принадлежали исповедь и причастие. По мнению церкви, желательно было исповедоваться и причащаться четыре раза в год, в посты, особенно пожилым и особо благочестивым людям. Необходимым же и обязательным минимумом церковь признавала исполнение долга исповеди и причастия один раз в год. Это требование было закреплено законодательно, а его неисполнение считалось преступлением. Регулярное исполнение долга исповеди и причастия рассматривалось светскими и духовными властями как способ проверить приверженность паствы православию и предотвратить охлаждение к нему (и переход в другие вероисповедания, секты, раскол и т.п.).

Согласно сохранившимся архивным данным, не менее четверти иркутских прихожан в течение XIX в. игнорировали свой ежегодный долг (например, в 1877 г. не пришли в храм для ежегодной исповеди 29% из общего числа подлежащих исповеди прихожан, в 1894 г. — 26,15%^{*}). Главной причиной такого «небрежения» священники называли «нерадение» (т.е. леность), а также большую занятость своих прихожан. И нами действительно не найдено свидетельств того, что все эти люди могли перейти в раскол или секту. За посещаемость велась постоянная борьба (составление списков «прогульщиков», наказание в виде регулярного присутствия на всех богослужениях и битья земных поклонов и даже отправка на «шестинедельное содержание» в монастырь) и в некоторых иркутских приходах в некоторые годы был достигнут переменный успех — посещение исповеди было почти стопроцентным.

Посещение храма на каждом богослужении в законодательно закрепленные обязанности прихожан не входило, однако подобное усердие всячески приветствовалось и поощрялось священнослужителями. На деле, как свидетельствуют богослужебные журналы иркутских церквей, средняя посещаемость основного богослужения (литургии) в будний день (для прихода с населением 1000-1500 человек), когда не было какого-нибудь праздника, и отмечалась память какого-то не очень известного и популярного святого, составляла несколько десятков (обычно менее 50) прихожан. Например, в приходе иркутской Преображенской церкви в 1845 году, 24 января, в день преподобной матери Ксении, в церкви было 5 женщин; 22 февраля, в четверг, в день мученика Евгения, молящихся было 4 человека; 14 мая, в понедельник, в день святого Иодара, в храме за литургией было 5 человек, за другими службами менее и ни одного [15; л. 2 об., л. 4, л. 11 об.].

В воскресные дни посещаемость вырастала до 100-150 человек [15; л. 2, 2 об, л. 3 об., л. 11, л. 12-13]. В дни больших праздников, в том числе храмовых, а также архиерейских богослужений количество молящихся в храме достигало нескольких сотен человек.

Большое значение для города и его населения имели внецерковные богослужения — крестные ходы, освящение построек, полковых знамен, водосвятие и другие торжественные богослужения, совершаемые вне стен церкви. По воспоминаниям современников, «всякая духовная процессия была торжеством целого города» [6; 265]. К концу XIX в. в Иркутске существовали чуть более десятка традиционных крестных ходов по всему городу, крестные ходы внутри одного прихода, а также традиции освящения построек, орденских лент, знамен, приезда новых архиереев в епархию и отъезда старых, смененных. Все эти процессии собирали каждый раз значительное число участников. Причины этого лежали в большей (по сравнению с каждодневными церковными службами) зрелищности, театральности, массовости внецерковных богослужений, которые быстро и интенсивно насыщали потребность иркутян в общении и впечатлениях.

Несомненно, важную роль в жизни иркутян, организации их жизни играли религиозные праздники. Они сопровождались обычаями, обрядами, суевериями, которые строго распределяли по времени, регламентировали различные стороны жизни православных горожан: питание (в Пасху ели куличи, крашеные яйца,

^{*} Подсчитано нами по: [14].

в масляную неделю — хворост и т.д.), работу (во все крупные церковные праздники и воскресные дни физический труд был под запретом), различные занятия (до дня св. Ильи не рвали и не ели горох в огородах и т.п.) и досуг (между Рождеством и крещением носили кукольный театр-вертеп, «маскировались», от Пасхи до Вознесения качались на качелях и скакали на доске и т.п.). Многие слои населения строили свой календарь, ориентируясь на праздники, которые в городе становились такими же вехами, как сельскохозяйственные работы в деревне.

Вместе с тем встречались и довольно курьезные «разночтения» в понимании праздников церковью и прихожанами. Например, по церковным канонам масленица — это последняя неделя из четырех, предвещающих Великий пост. В эту неделю верующим было запрещено употреблять в пищу мясо, а можно было есть сырную пищу: молоко, сыр, масло, яйца, за что неделя получила название сырной, или масляной. Назначение недели состояло в том, чтобы христиане в умеренности и благочестии приготовились к строгому режиму великого поста. Однако в народном календаре масленице отводилось очень важное, даже священное место. В качестве примера небезынтересно будет привести рассказ-жалобу одного иркутского священника о понимании праздников в простонародье. Сюжет вкратце таков: некий иркутский священник, пожелавший остаться неизвестным, договорился с крестьянином, жителем пригородной деревни, о доставке ему (священнику) дров. Договариваясь о сроках доставки этих дров, священник запретил крестьянину приехать на следующий день — в Сретенье — и в идущее вскоре за ним воскресенье. Крестьянин был изумлен этим запретом и собирался вместо этой работы заняться другой, у себя дома. А на сообщение священника о том, что Сретенье — большой двенадцатый праздник, в который обязательно надо сходить в церковь и не работать, заявил: «Какая нам в эти дни церковь! Мы этих праздников не знаем». На предложение священника вывезти дрова на масляной неделе последовал еще более интересный ответ: «Да кто об масленке работает? Ведь мы православные, чтим маслянку, праздник большущий» [16]. Случай, конечно, курьезный, но показательный. При недостатке образования вообще, и религиозного в частности, о значимости праздника прихожане могли судить по его размаху, продолжительности, популярности. А в этом отношении масленица опережала многие важные церковные праздники и, в частности, Сретенье.

Значимую роль в регламентации повседневной жизни иркутян, и в частности, питания, играли посты — установленное церковью воздержание на определенный срок от каких-либо видов пищи (мяса, молока и т.д.), а также шумного, веселого времяпрепровождения и половых отношений. Главной целью постов было очищение души и тела, возвышение духовно-нравственных целей, устремлений над плотскими, чувственными желаниями.

Мемуары иркутян сохранили сведения о довольно строгом соблюдении постов, особенно в первой половине XIX века. По воспоминаниям И. Т. Калашникова, относящимся к началу XIX века, «Все посты соблюдались со всею строгостию, тем более великий» [6; 335]. Ему вторит Л. И. Тамм (начало XX века): «Посты соблюдали строго. Оскоромиться мог только большой человек» [17; 34].

Вместе с тем часть иркутян, видимо, находящих безусловное соблюдение всех требований поста обременительным, изыскивала способы облегчить режим. Например, постились по всем правилам, с полным исключением молочной и рыбной пищи, только первую и последнюю неделю Великого поста [18; 40] или соблюдали один только Великий пост, остальные три считали для себя необязательными [19; 98]. Последний вариант был распространён, например, в середине XIX века среди воспитанниц девичьего Института Восточной Сибири.

Также достаточно строго, по крайней мере, в первой половине XIX века, соблюдали запрет на развлечения во время поста. Как писал Н.С. Щукин, «в продолжение Великого поста не бывает увеселений, не поют даже песен».

Таким образом, исполнение внешних обрядов поста (особый режим питания, отказ от развлечений), т.е. тех требований церкви, соблюдение которых могло контролироваться если не церковными властями, то общественным мнением, было довольно строгим.

Церковь регламентировала и организовывала практически все стороны повседневной жизни православных подданных Российской империи — семейные отношения, календарь, досуг, режим питания и т.д. Регулярное исполнение церковных таинств, повторяющиеся богослужения, праздники, посты воспринимались как основа жизненного порядка и основа для православной самоидентификации.

Хотя церковь придавала огромное значение смысловой наполненности православной обрядности, знанию основ православного вероучения, точному и тщательному их соблюдению в повседневной жизни, для большинства прихожан (а также и внутренней политики государства) для идентификации себя как православных было вполне достаточно присутствия на богослужениях, участия в крестных ходах, церковных праздниках, исполнения таинств и тому подобных повторяющихся повседневных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иннокентиевские чтения. «Православие. Образование. Культура» [Текст] : материалы обл. науч.-практ. конф. / Сост. В. Килин (протоиерей) [и др.]. Иркутск: ИОГУНБ им. Молчанова-Сибирского, 2008. 151 с.
2. Первосвятытель Иркутский, епископ Иннокентий I (Кульчицкий) / [сост. В. Сидоренко]. Иркутск: Иркут. епархия; Иркут. писатель, 2006. 575 с.
3. Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках : Этнографические исследования и материалы / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред. О.В. Кириченко, Х. В. Поплавская. М.: Наука, 2002. 469 с.
4. Православная жизнь русских крестьян XIX — XX веков : Итоги этнографических исследований / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред. Т.А. Листова. М.: Наука, 2001. 363 с.
5. Павел, еп. От святой купели до гроба: (Краткий устав жизни православного христианина). Авдеева, Прим. обл., 1916. 81 с.
6. Калашников И. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 255-394.
7. Статистические сведения по Иркутской губернии за 1866 год. [Вып. 2] / Иркут. губерн. стат. ком. / Под ред. гл. секретаря Н.М. Павлинова. Иркутск: Тип. Н.Н. Синицына, 1868. 101 с.

-
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 50 (Иркутская духовная консистория), оп. 1, д. 964.
 9. Давыдов С. В., Оглезнева Г. В. Роль православной церкви в социализации подрастающего поколения (на примере Восточной Сибири второй половины XIX века) // Сибирский город XVIII — начала XX веков: сб. статей / Сост. В. П. Шахеров. Вып. V. Иркутск: Оттиск, 2005. С. 50-63.
 10. ГАИО, ф. 50, оп. 7, д. 225.
 11. ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 8682.
 12. Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 449-482.
 13. Обзор Иркутской губернии за 1891 г. Иркутск: Губ. тип., 1892. 44 с., 8 табл.
 14. ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 10866.
 15. ГАИО, ф. 266 (Иркутская Преображенская церковь), оп. 2, д. 23.
 16. Понимание праздников // Иркутские епархиальные ведомости. 1868. № 10 (Прибавления). С. 141-142.
 17. Тамм Л. И. Записки иркутянки: мемуары / Л.И. Тамм; Предисл. и науч. ред. В.П. Шахерова; Сост. И.И. Терновой. Иркутск: Оттиск, 2001. 171 с.
 18. Авдеева-Полевая Е. А. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 7-124.
 19. Кропоткина В. С. Воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX в. / Сост. Н.П. Матханова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С. 88-156.
 20. Щукин Н.С. Народные увеселения в Иркутской губернии. СПб.: тип. Майкова, 1868. 18 с.